

Листок издан по благословию епископа Колпашевского и Стрежевского Силуана.
приходом Храма Всех святых с. Чажемто и назван в честь св.блгв. кн. Петра и кн. Февронии
Муромских (память 8 июля. День Семьи, Любви и Верности)

«СЕКРЕТЫ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ»

№2(44) март 2018г.

Юродивый Гришка

Всю свою сознательную детскую жизнь я сопротивлялся, как мог, родительскому желанию сделать из меня музыканта. И только поступив учиться в Духовную семинарию, с благодарностью вспомнил своих родителей. Церковное пение пленило меня всецело. По окончании семинарии, женившись на протодиаконской дочке, я, к своей радости, получил место регента храма в г. N. и был этим счастлив, не помышляя о рукоположении в священники. Городок наш был небольшой, примерно сто тысяч населения, но я все же сумел создать неплохой хор из педагогов местной музыкальной школы и даровитых любителей. По субботам я имел обыкновение до всеобщего бдения прогуливаться по бульвару городского сквера, выходящего на небольшую набережную с причалом для парома. Вот так, прогуливаясь, я повстречал того, о ком будет мой рассказ.

Навстречу мне двигался босой, несмотря на октябрь, высокий лохматый человек. На нем прямо на голое тело был надет двубортный изрядно поношенный пиджак, явно короткие в полоску брюки, вместо ремня подпоясанные бечевкой. Но озадачил меня в нем не столько его гардероб, сколько то, что он на ходу читал книгу, уткнувшись в нее почти носом. При этом он шел очень быстро, широко расставляя ноги. Я подумал: «Вот ненормальный, споткнется и упадет». Поравнявшись со мной, он остановился. Не поворачивая ко мне головы, широко перекрестившись, громко воскликнул: «Верую двенадцатому стиху псалма». Потом повернулся ко мне, ослабившись в какой-то дурацкой улыбке, сквозь зубы засмеялся: «Гы-гы-гы» и, уткнувшись опять в свою книгу, быстро зашагал дальше.

Растерявшись от такой выходки, я с недоумением долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. «Сумасшедший какой-то», — подумал я и направился домой. Дома рассказал об этом случае жене. Она подробно расспросила, как выглядел тот странный человек, и сказала: — Это наверняка Гришка юродивый. Три года назад он исчез из нашего города, поговаривали, что его посадили за тунеядство и бродяжничество, вот, наверное, вновь объявился. — А

что он имел в виду, говоря: «Верую в двенадцатый стих псалма»? — допытывался я у супруги. Та пожалала плечами: — Господь его знает, юродивые и блаженные часто говорят загадками, но раз сказал, значит, что-то обозначает. Посмотри сам в Псалтири. — Что же я там найду? Сто пятьдесят псалмов — и половина из них имеет двенадцатый стих, — и, махнув рукой, я направился в церковь ко всеобщей. По дороге в храм я размышлял: — Ну какие юродивые в наше время? Просто больные люди.

Придя на балкон, я стал раскладывать ноты по пюпитрам, готовиться к службе. Народ потихоньку заполнял храм. В это время я с высоты хоров увидел, как в храм зашел тот ненормальный босоногий человек. Он подошел к ближайшему подсвечнику, взяв с него только что поставленную горящую свечу, стал обходить с ней по периметру храма все иконы. Перед каждой иконой он останавливался по стойке «смирно», правой рукой с горящей свечой крестом осенял икону, затем четко, как солдат, поворачивался кругом и осенял горящей свечой пространство перед собой. Такие манипуляции он проделал перед каждой иконой, затем затушил свечу, сунул в карман своего пиджака. Эти странные действия со свечой подтвердили мое мнение о том, что передо мной — больной человек.

Я пошел в алтарь, чтобы получить благословение у отца настоятеля перед службой и, не удержавшись, спросил его о юродивом Григории. — А, Гришка опять появился, — как-то обрадованно воскликнул он, — мой сын когда-то у него учился. — Как — учился? — опешил я. — Да он не всегда такой был, раньше он был учителем литературы Григорием Александровичем Загориним. Но потом что-то с ним произошло, попал в «психушку». В школе поговаривали, что он на Достоевском свихнулся, стал ученикам на уроках о Боге, о бесах говорить. За уклонение от школьной программы его в горно вызвали на разбор, а он и ляпнул им, что Гоголь с Достоевским беса гнали, а тот взял да во Льва Толстого вселился, а от него на Маяковского и других советских писателей перекинулся. Ну, ясное дело, его в «психушку» направили. Выйдя оттуда, он странничает по храмам.

— И что же, он босиком круглый год ходит? — Нет, — засмеялся настоятель, но обувь надевает только тогда, когда выйдет приказ министра обороны о переходе на зимнюю форму одежды. Вычитает об этом в газете «Красная звезда» и обувается да одевается в какое-нибудь пальтишко.

Вечером, возвратившись от всенощной домой, я после ужина стал готовиться к воскресной Божественной литургии. Просматривая партитуры и раскладывая ноты по папкам, ловил себя на мысли, что из головы не выходит образ этого странного юродивого. Закончив разбираться с нотами, я открыл Псалтирь. В восьмидесяти пяти псалмах имелись двенадцатые стихи. Я прочитал их все, но так ничего и не понял. — Да что же значит — веровать в двенадцатый стих псалма? Ерунда все это, — подумал я с раздражением и отложил Псалтирь.

Пока возился с Псалтирью, не заметил, как время перевалило за полночь. Так поздно ложиться я не привык, глаза уже слипались, поэтому не стал прочитывать «Молитвы на сон грядущим», а перекрестившись, сразу лег в постель. Уже лежа в постели, я прочитал молитву: «Господи, неужели мне одр сей гроб будет...» — и сразу заснул.

После литургии, выйдя на церковный двор, я увидел Гришку, окруженного прихожанами, и подошел любопытствовать, о чем они говорят. Гришка, который возвышался над прихожанами на целую голову, меня сразу заметил и осклабил в той же дурацкой улыбке. — Гриша, — говорила ему одна пожилая женщина, — что мне делать? Сын пьет, с женой надумал разводиться. Помолись ты за него, может, Господь вразумит. — Да как же я буду молиться, коли молитв не знаю? Мы с Лешкой только одну молитву знаем, — при этом он загадочно глянул на меня, — «Помилуй мя, Боже, на боку лежа», вот и все. Правда, Леха? Все повернулись ко мне. Краска залила мое лицо, мне показалось, что не только Гришка, но все прихожане догадались, что я не читал вечерних молитв. В крайнем смущении, пробормотав что-то невнятное, я развернулся и быстро пошел к храму. — Либо это чистая случайность, совпадение, — подумал я, — либо действительно Гришка обладает даром прозорливости, как о нем и говорят в народе.

На следующий день я решил повстречаться с Гришкой, чтобы выяснить для себя окончательно, кто он — больной

психически человек или действительно юродивый, святой. Но ни на следующий день, ни через неделю я Гришку не увидел. Сказали, что он куда-то ушел. Говорили, будто бы он имеет обыкновение проводить зиму в селе Образово у настоятеля отца Михаила Баженова. Этот приход у нас в епархии слыл самым бедным, в чем я вскоре и сам убедился.

Как-то после Пасхи я поехал в Епархиальное управление за нотными сборниками и там вижу: стоит у дверей склада батюшка в пыльных кирзовых сапогах, в старом залатанном подряснике, поверх которого накинута вязаная серая безрукавка. Из-под выцветшей синей бархатной скуфьи выбивались неровные пряди темно-русых с проседью волос. Жиденькая бороденка обрамляла узкое, со впалыми щеками лицо, которое можно было бы назвать некрасивым, если бы не большие голубые глаза. За плечами висел обыкновенный мешок, перевязанный веревками по типу рюкзака. Батюшка стоял в сторонке, явно смущаясь своего вида и дожидаясь очереди на склад. Но только выходил один получивший товар, как подъезжал на машине какой-нибудь другой солидный протоиерей или церковный староста, и батюшка снова вжимался в стену, пропуская очередного получателя церковной утвари. Те проходили, даже не замечая его убогой фигуры.

Меня это возмутило, и я, подойдя к батюшке, нарочито громко сказал, складывая руки: «Благослови, честной отче!» Батюшка как-то испуганно глянул на меня и, быстро осенив крестным знаменем, сунул мне для поцелуя свой нательный крест. Я, поцеловав крестик, потянулся, чтобы взять его руку для поцелуя, как и полагается. Но он, спрятав ее за спину, смущенно улыбаясь, проговорил: — Она у меня вся побитая и исцарапанная, я ведь крыши односельчанам крою, вот у меня руки и рабочие, недостойные, чтобы к ним прикладываться. — Зачем же вы крыши кроете, ведь вы же священник? — удивился я. — Приход у нас небогатый, а храм большой, его содержать трудно, да и прокормиться — деток-то у меня семеро.

Тут я, увидев, что на склад в это время хочет пройти другой священник, подойдя к нему под благословение, сказал: — Простите, отче, сейчас очередь этого батюшки. Тот, недовольно глянув на свои часы, пробормотал: — Ради Бога, я не против, хотя очень спешу.

Батюшка на удивление очень быстро вышел со склада, неся только одну пачку свечей. Подойдя ко мне, он спросил: — Как ваше святое имя, чтобы помянуть в молитве? — Меня зовут Алексием, а вас, батюшка, как звать и где вы служите? — Недостойный иерей Михаил Баженов, а служу я в селе Образово, в трех днях ходьбы отсюда. — Так вы что же, туда пешком ходите? — воскликнул я. — Ну машины нет — это понятно, велосипед бы купили. — Что вы, на велосипед еще заработать надо, это мне не по карману. И на автобус билет надо купить, а это тоже денег немалых стоит. — Да, кстати, отец Михаил, скажите мне, пожалуйста, юродивый Гришка у вас находится? — Зимовал у меня, а сейчас, после Пасхи, ушел. — А что, он действительно юродивый или притворяется? — Что вы, Алексей, как можно так думать! Григорий — святой человек, в этом даже сомневаться грех. Он у нас около храма источник с целительной водой открыл. — Как то есть открыл?

— Это давно было, лет десять назад. Я его тогда еще не знал, и он к нам первый раз пришел. Заходит ко мне во двор и говорит: — Дай-ка мне, поп Мишка, воды попить. Я сразу смекнул, что юродивый передо мной стоит: кто еще меня «поп Мишка» будет называть? Прихожане отцом Михаилом зовут, а нецерковные люди — Михаилом Степановичем. Я вынес ему ковшик воды и в дом на чай пригласил. Но он пить не стал: — Плохая у тебя вода, — говорит, — а на чай тем более не годится. Давай лопату мне, да поживей, я пить сильно хочу. Я удивился, конечно, но лопату вынес. Он походил с лопатой вокруг храма, потом воткнул ее в одном месте и говорит: — Комай, Мишка, здесь будем сокровище с тобой искать. Ты покопай, а я посижу рядом, а то пока искал, утомился очень. Я даже и перечить не подумал, раз юродивый говорит, значит, что-нибудь там найдем.

Пока я копал, он рядом на травке лежит, только подбадривает меня: — Комай-комай, Мишка, найдешь золотишко. Выкопал я больше своего роста, день уж к вечеру клонится. Матушка несколько раз подходила, беспокоится, чего это я делаю. Уж совсем стемнело. Гришка мне говорит: — Хватит копать, уж пора спать. Хотя я ничего не нашел, но, думаю, не зря копал,

наверное, в этом какой-то смысл есть, мне еще не понятный.

Пригласил с собой в дом Григория на ужин. Тот говорит: — Ужин мне не нужен, дай краюху хлеба. В дом тоже не пошел. — Я, — говорит, — здесь, среди тварей бессловесных заночую.

Утром я проснулся, пошел к яме, а она — полная воды. Да такая вкусная вода, прямо сладкая, как мед. Стало быть, мы до источника святого с Григорием докопались. Теперь сами судите, Алексей, настоящий он юродивый или обманщик.

Мы распрощались с отцом Михаилом, я дал обещание приехать к нему летом, когда будет отпуск, на его престольный праздник — Казанской иконы Божией Матери.

Обычно я уходил в отпуск после Петрова дня, так как в это же время брал отпуск наш настоятель. Здоровье мое, несмотря на молодые годы, оставляло желать лучшего. Я с рождения страдал

сердечной недостаточностью. Но в этом году как-то все обострилось, и супруга моя настоятельно потребовала, чтобы я поехал на курорт, в кардиолечебницу, укрепить свое здоровье.

После службы на праздник Первоверховных апостолов Петра и Павла я зашел в нашу церковную бухгалтерию, чтобы получить зарплату и отпускные деньги. А когда вышел из бухгалтерии, увидел во дворе Гришку, как всегда окруженного прихожанами. Увидев меня, он разубыбался и, бесцеремонно растолкав бабушек, направился ко мне: — Ну, Леха, ты — человек грамотный, растолкуй мне про эту тетку, что все свое имение на врачей растратила, а вылечиться так и не вылечилась. — Какую тетку? — удивился я. — Ну ту самую, о которой в Евангелии написано. — А-а, — протянул я, когда до меня дошло, о каком евангельском эпизоде говорит Гришка, — а что там растолковывать, у земных врачей вылечиться не смогла, а прикоснулась к Христовым одеждам — и вылечилась. — Вот-вот, правильно говоришь, только прикоснулась; некоторым бы тоже не мешало прикоснуться. А этим, на которых мы имение тратим, Господь сказал: «Врачу, исцелися сам». Вот оно как получается, Леха. Так что айда с тобой вместе прикасаться.

Сердце мое радостно забилося, я сразу поверил, что никакие врачи и никакие курорты мне не нужны.

«Блаженный» (юродивый) — человек, взявший на себя подвиг внешнего (т.е. не настоящего) безумия с целью достижения смирения, уничтожения своей гордыни. Терпя насмешки окружающих, юродивые обличали людские пороки, утешали бедных и больных. Блаженные выглядели очень странно: одевались в лохмотья, ели то, что подавали добрые люди, не имели своей крыши над головой. Но эти люди имели от Бога дар — видеть каждого человека и знать его будущее.

При этом поверил: пойду с Гришкой — и обязательно исцелюсь. Даже не спрашивая, куда надо идти, я воскликнул: — Пойдемте, Григорий Александрович. Гришка стал испуганно оглядываться кругом: — Это ты кого, Леха, кличешь? Какого Григория Александровича? Его здесь нет. Потом, нагнувшись к моему уху, прошептал: — Я тебе только, Леха, по большому секрету скажу: Григорий Александрович помер. Да не своей смертью, — он еще раз оглянулся кругом и опять зашептал мне на ухо: — это я его убил, только ты никому не говори, а то меня опять в милицию заберут и посадят.

Я с удивлением посмотрел на Гришку, подумав: — Неужели действительно душевнобольной? — Да-да, Леха, не сомневайся, заберут и посадят, у них за этим дело не станет, — он засмеялся, — гы-гы-гы. Когда он смеялся, я внимательно смотрел на него, и меня поразило, что в его глазах я не увидел веселья, которое должно было, по сути, сопровождать смех. Нет, в глазах его была печаль, даже я бы сказал — какая-то скорбь. И тогда я вдруг понял, что это не смех слабоумного человека, а рыдания того, кто видит страшную наготу действительности, сокрытую от «мудрых века сего». — Ну так как теперь, Леха, когда ты узнал правду, пойдешь со мной или передумал? — и он, сощурив глаза, продолжая гыгыкать, смотрел на меня, ожидая ответа.

Я стоял в растерянности и не знал, что ответить. Но потом все же решительно сказал: — Не передумал, пойду. — Вот и хорошо, через пять деньков раненько приходи к церкви. Путь недалек. Тогда я вдруг решил спросить: — А куда мы пойдем? — Куда пойдем, говоришь? Сам ведь обещал, а теперь забыл, небось? К попу Мишке пойдем, он тебя ждет. Тут я вспомнил про свое обещание отцу Михаилу посетить в отпуск его храм в селе Образово и устыдился: ведь действительно забыл. Узнав о том, что я не собираюсь ехать в санаторий, а еду с Гришкой в Образово, супруга вначале огорчилась, но, подумав, решила, что это даже лучше. Раз блаженный обещает исцеление, то так, наверное, и будет.

...Встали рано, и жена собрала мне в дорогу вещи и продукты. Увидев меня, загруженного сумками, Гришка почесал затылок: — Куда же ты, Леха, собрался с таким скарбом? За Христом так не ходят. Он ведь налегке с апостолами ходил. — Тут, Гришка, все самое необходимое в дорогу, ведь не на один же день едем. — Кто тебе сказал, что едем? Мы туда, Леха, пешим ходом, три дня нам идти. — Как, — удивился я, — мы разве пойдем пешком? Ведь это восемьдесят с лишним километров. — Господь пешком ходил и апостолы — пешком. Сказано ведь:

На Руси издавна любили юродивых. Этот подвиг очень трудно понять современным людям. В России 14-16 веков более десяти юродивых были причислены к лику святых.

«Идите в мир и научите все народы». Если бы Он сказал: «Поезжайте на колесницах,» — тогда другое дело. А раз сказал: «Идите», — значит, мы должны идти, а не ехать. — Ладно, — сказал я, — раз такое дело, оставлю часть. — Нет, Леха, часть за собою целое тащит. Надо все оставить и идти. — А чем будем питаться в дороге? — недоумевал я. — Сухарик — вот дорожная пища, он легкий, нести сподручно. А воды кругом много. Что еще нам надо? Поклажу свою вон человеку отдай, — указал он на подошедшего к калитке бомжа, который с утра пораньше пришел занять место для собирания милостыни.

Я безропотно исполнил совет Гришки и обе сумки отдал бомжу. Тот, обрадовавшись, схватил их и убежал, боясь, что могут снова отнять такой щедрый дар. — Вот теперь пойдем все четвером, — обрадованно воскликнул Гришка и быстро зашагал по улице. Я последовал за ним. Когда вышли за город и двинулись по сельской грунтовой дороге, решил спросить Гришку напрямик, что он имел в виду, когда сказал: «Пойдем все четвером». — Ну а как же мы пойдем без самых близких своих друзей? Без них никуда. — Каких друзей? — удивленно спросил я. — Как — каких? Каждому дает Бог Ангела Хранителя, это, Леха, друг на всю жизнь. — Ах, вон оно что — тогда нас, значит, не четверо, а шестеро. Ведь сатана тоже приставляет к каждому человеку падшего ангела-искусителя. — Нет, Леха, они любят не пешком ходить, а с комфортом ездить на автомобилях, особенно на дорогих, или в поездах — тут они больше уважают мягкие места в купе. А пешком они ходить не любят, быстро утомляются. А если человек к Богу идет, они этого вовсе не переносят. Потому я их все время мучаю тем, что пешком везде хожу.

Так, за разговором об Ангелах и бесах, мы прошли километров пятнадцать, и я уже стал притомляться. Когда мы вышли к небольшой речке, Гришка сказал: — Вот, Леха, здесь отдохнем и пообедаем.

Мы присели на берегу, в тени раскидистой ивы. Гришка достал из своего заплечного мешка две кружки и велел мне принести воды из речки. Когда я вернулся, он уже разложил на чистую тряпку сухари. Мы пропели молитву «Отче наш» и стали есть, размачивая сухари в воде. Когда поели, Гришка аккуратно стряхнул крошки, оставшиеся на тряпке, себе в рот и, объявив сонный час, тут же лег на траву и захрапел. Я тоже пытался уснуть, но не мог: комары меня буквально заели. Гришка при этом спал совершенно спокойно, будто его и не кусали эти кровопийцы.

(Продолжение в следующем номере)